

**СНАЙПЕР,
МОРПЕХ,
ДЕСАНТНИК,
ТЕЛЕВЕДУЩИЙ**

ЭНТ МИДДЛТОН

**ПЕРВЫЙ
ВО ВСЕМ**

Энт Миддлтон
Первый во всем.
Снайпер, морпех,
десантник, телеведущий
Серия «Автобиография-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69510601

Первый во всем. Снайпер, морпех, десантник, телеведущий: Эксмо;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-191006-8

Аннотация

№ 1 SUNDAY TIMES BESTSELLER.

Энт Миддлтон – знаменитый британский телеведущий, бывший морской пехотинец и спецназовец. В этой книге он делится основными уроками лидерства, которые усвоил на протяжении своей увлекательной жизни.

Подготовка спецназа – это не прогулка по парку. Правила жесткие, и они гарантируют, что ты должен пройти трудный путь на пределе, а порой и за границами физически возможного. Никакой пощады. Даже когда ты истекаешь кровью и сломлен, признать поражение – это провал. Чтобы выжить в изнурительном процессе отбора и стать членом элитного военного подразделения, тебе нужны жесткость, агрессия,

внимание к деталям и постоянная самодисциплина – все те качества, которые формируют лучших лидеров.

После 13 лет службы в вооруженных силах и 4 лет работы снайпером специальной лодочной службы (SBS) Энт Миддлтон является воплощением того, что требуется для абсолютного успеха. Он служил в SBS, военно-морском спецназе, Королевской морской пехоте и 9-й Королевской парашютной эскадрилье – собрав в свою коллекцию знаменитую «Святую троицу» элитных вооруженных сил Великобритании.

Как настоящий спецназовец, Энт всегда первым подвергался опасности и добивался победы. Эта книга об опыте бескомпромиссного лидерства и успеха.

«Ошеломляющий бестселлер... обжигающий и честный». – Sunday Times «Живая и мотивирующая книга года». – Daily Mail «Великолепно и бодро». – GQ

«Лучшая книга года. Она изменит вашу жизнь!» – Том Маркус, автор бестселлера «Солдат-разведчик»

Содержание

Введение	6
Урок 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Энт Миддлтон

Первый во всем.

Снайпер, морпех, десантник, телеведущий

Ant Middleton

FIRST MAN IN: Leading from the Front

© Anthony Middleton 2018

Anthony Middleton asserts the moral right to be identified as the author of this work

Jacket design © HarperCollinsPublishers Ltd 2018

Jacket photographs © Andrew Brown (author),
Shutterstock.com (background)

© Мовчан А.Б., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Введение

У большинства из тех, с кем я встречаюсь изо дня в день, не хватает смелости задать мне тот самый *вопрос*. Меня знают в основном по телевизионным передачам. В них обычно говорится о том, что я дважды был в Афганистане в составе Сил специального назначения. И поскольку впервые я появился на телевидении в программе «САС: Дерзай и победишь»¹, принято считать, что я действовал в составе Специальной авиадесантной службы сухопутных войск, которая сокращенно значится как САС. На самом деле я являлся оператором Отряда спецназначения ВМС. Выражаясь армейским языком, я был головным дозорным. Моя задача состояла в том, чтобы провести небольшую группу спецназа к лагерю талибов² с целью осуществить так называемое жесткое задержание их главарей. Это были весьма опасные миссии. Из-за высокой степени секретности, которая окружает операции Сил спецназа, я не имею права о них рассказывать. Тем не менее я могу в общих словах дать ответ на тот самый

¹ Фраза «Дерзай и победишь» является девизом Специальной авиадесантной службы (САС) сухопутных войск Великобритании и располагается на гербе этого подразделения спецназа Британских вооруженных сил. (*Здесь и далее примечания переводчика, если не оговорено особо.*)

² Здесь и далее при упоминании талибов следует иметь в виду, что «Талибан» – группировка, запрещенная в РФ. (*Прим. ред.*)

вопрос.

Когда ты убиваешь человека, ты ровным счетом ничего не ощущаешь, кроме того, что всего лишь слегка, буквально на несколько миллиметров, плавным движением своего указательного пальца сдвигаешь к себе спусковой крючок. Ты ровным счетом ничего не слышишь, кроме раздавшегося глухого хлопка. Ты ровным счетом ничего не видишь, кроме того, что фигура человека исчезает из поля твоего зрения. Ты ровным счетом ничего не чувствуешь, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы. Однако помимо этого убийство человека не сопровождается ровным счетом ничем другим. Понимаю, это может шокировать. Возможно даже, кто-то сочтет это отвратительным и оскорбительным. Безусловно, я отдаю себе отчет в том, что это не тот шаблонный ответ, которого от меня ожидали. Это даже не то, чем я делюсь с участниками боевых действий. Многие смельчаки, вместе с которыми я служил бок о бок, навсегда травмированы теми кошмарными событиями, свидетелями и непосредственными участниками которых они стали. Я искренне сочувствую им. Быть частью команды, которой поручалось произвести жесткое задержание, означало регулярно действовать в условиях безумного стресса, с которым невозможно справиться, и практически каждый день видеть кровь и убийство. Однако лично мне приходилось бороться вовсе не с психологическими травмами, которые являлись непременным атрибутом службы в спецназе. Лично мне приходи-

лось бороться с тем удовлетворением, которое я испытывал от этой службы. Мне нравилось все то, чем она сопровождалась, — возможно, временами даже сверх допустимой меры. Я буквально преображался в бою, испытывая необыкновенный прилив сил и воодушевления. Я до сих пор все еще скупаю по тому удивительному состоянию, которое ощущал под пулями.

Когда ты убиваешь человека, ты ровным счетом ничего не чувствуешь, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы. Понимаю, это может шокировать.

А оказаться под градом пуль в Афганистане было вполне обычным делом. Ведь ты пришел туда именно за этим. Я всегда считал шанс остаться в Афганистане в живых чистой лотереей. В качестве головного дозорного я всякий раз, проникнув в лагерь талибов и приблизившись к одной из палаток, отчетливо осознавал, что меня не ожидает ничего хорошего, и мысленно прикидывал свои шансы. Это было немного похоже на рулетку, на постоянную оценку степени риска. Я задавался вопросом: «Какова вероятность того, что я ворвусь внутрь, а там окажутся враги, которые готовы ко встрече со мной? Если там враги, готовые ко встрече со мной, какова вероятность того, что они смогут выпустить больше одной очереди прежде, чем я открою по ним огонь? Какова вероятность того, что эта единственная очередь попадет мне прямо в голову и прикончит меня?» Когда я размышлял по-

добным образом, то в конце концов понимал, что мои шансы выжить невелики. И тогда я решал: «К чертям собачьим! Все шансы на моей стороне!» Это помогало мне сделать усилие над собой и решительно распахнуть полог палатки.

Да, чаще всего в самый первый момент в меня летели пули. Однако мой опыт подсказывал мне, что эти очереди спустя несколько секунд стихнут и, улучив паузу в стрельбе, я смогу ворваться внутрь, низко пригнувшись, потому что эти идиоты, как правило, забывали, что при стрельбе очередями ствол АК уводит вверх и все пули уходят в потолок. Я прикидывал: «Этот гад сможет нажать на курок еще максимум один или два раза, прежде чем я брошусь на него». Если мой противник действительно выпускал еще одну или две очереди и попадал мне в грудь, то меня спасала нагрудная пластина бронежилета. Если же он попадал мне в ногу, то выгадывал себе всего лишь долю секунды, потому что я падал, и мой напарник, двигавшийся прямо за мной, за моим плечом, в мгновение ока заканчивал работу. Так что все это представлялось мне чистой лотереей. Шансы выжить у тебя есть всегда. Я постоянно занимался тем, что прикидывал эти шансы и оценивал степень риска.

Это не значит, что мне было легко. Далеко не так. Когда я отправлялся на очередную операцию, страх буквально парализовывал меня. Но как только все начиналось, в тот момент, когда я проникал на территорию лагеря талибов или вступал в огневой контакт с врагом, я оказывался в совершенно

другом психологическом пространстве. Я могу это сравнить лишь с состоянием за секунды до автомобильной аварии, когда тебе кажется, будто все происходит словно в замедленной съемке. Твое сознание становится гиперактивным. Оно в считанные секунды впитывает и перерабатывает такую массу информации извне, что создается впечатление, будто время внезапно затормозилось. Ты словно становишься повелителем времени, способным полновластно контролировать его.

Это позволяло мне действовать с предельной точностью, с точностью до миллисекунд. Я находился в состоянии крайней сосредоточенности, мои движения были отточены до безупречности, животный инстинкт подсказывал мне, как действовать в следующий миг. Все клеточки моего тела находились в полной гармонии друг с другом, чтобы я мог максимально эффективно достичь поставленной цели. Я не испытывал ровным счетом никаких эмоций, которые могли бы отвлечь меня. Для меня было важно лишь одно: полностью контролировать ситуацию и быть готовым к немедленным действиям. Чтобы хоть как-то понять мое состояние, достаточно признаться, что я ощущал себя всемогущим, как Бог. В некотором смысле я и был им в действительности. Когда в самый разгар крайне опасной операции я действовал в качестве головного дозорного, мое сознание и мое тело чувствовали себя богоподобно. Богоподобно предстояло поступать и мне: в течение доли секунды решать, кому выпадет жить, а кому умереть.

Первый человек, которого я убил в своей жизни, вышел прямо на меня из жарких, пыльных теней афганского лагеря. Была ночь. Он был одет в традиционную белую рубаху до пят, называемую дишдаш. В руках он держал АК-47, ремень которого был перекинут через правое плечо. Он остановился и прищурился, всматриваясь в темноту. Он не мог меня видеть, хотя и пытался изо всех сил рассмотреть что-либо, вытянув шею. В конце концов его усилия были вознаграждены: он смог различить два зеленых глаза моих очков ночного видения, уставившихся на него из темноты. А затем произошло то, что вскоре станет для меня привычным. В момент смерти происходит несколько событий, которые всегда имеют строгую очередность. Их перечисление в хронологическом порядке будет следующим: шок, сомнение, неверие, замешательство, оторопь. Твоя жертва страстно желает удостовериться в том, во что она никак не может до конца поверить. Ее мысли бегут наперегонки. Ее губы невольно приоткрываются на несколько миллиметров. Ее глаза прищуриваются в ночной мгле. Ее подбородок выдвигается вперед. Ее тело начинает инстинктивно менять свою позу. А затем...

Это мгновение, свидетелем которого мне неоднократно приходилось быть в Афганистане и которое всякий раз проплывало перед моими глазами в сверхмедленных кадрах, в глубоко личном, сокровенно интимном темпе, можно отнести к числу нашего секретного оружия. Мы оставались в живых и решали поставленные перед нами задачи только по-

тому, что были способны действовать в крошечные доли секунды, подобные этому мгновению. Бойцы спецназа обучены действовать в промежутке между толчками секундной стрелки часов. Они обучены появляться, выполнять свою работу и исчезать за то время, которое требуется врагу, чтобы одна мысль сменила другую. Или же уже не успела сменить. Именно так все и произошло в ночь моего первого убийства. Со своей позиции в углу лагеря я сделал полшага вперед, поднял оружие и нажал на спусковой крючок один раз, затем другой. Благодаря глушителю, который я прикрутил к стволу, звук выстрелов был не громче щелчков компьютерной мышки. Это были просто идеальные выстрелы: оба – в рот. Тот, в дишдаше, упал.

В Силы специального назначения набираются те, кто способен изо дня в день выполнять такую работу и не позволять ей сломать себя... Это история о том, как я стал тем человеком, который всегда идет впереди и который, независимо от степени риска, всегда хочет быть первым.

В Силы специального назначения набираются те, кто способен изо дня в день выполнять такую работу и не позволять ей сломать себя. Я подходил под эти нормативы. Такими бойцами не рождаются, ими становятся. Эта книга – не просто *уроки лидерства*, которые я усвоил за годы своей службы в спецназе. Это история о том, как я стал тем, кем я сейчас являюсь. Это история о наивном и нежном юноше, чье пер-

вое яркое воспоминание – о внезапной смерти его отца. Это рассказ о борьбе, боли и ярости в армии, о тьме и насилии на улицах Эссекса, о днях в зонах боевых действий и о днях, проведенных в тюрьме, о тех днях, когда приходилось спасать девушек, похищенных в чужих землях, и о днях, когда доводилось вытаскивать мужчин из крошечного ада. Это история о том, как я стал тем человеком, который всегда идет впереди и который, независимо от степени риска, всегда хочет быть первым.

...Слышны какие-то странные звуки. По дому ходят какие-то люди, они разговаривают. Шаги. Тяжелые шаги взрослого человека. Этот звук мне незнаком. Я сел в своей постели и попытался окончательно сбросить с себя сон, нажимая тыльной стороной ладоней на веки и протирая глаза. Дело было спустя неделю после Рождества, поэтому я подумал, что, возможно, мама с папой решили устроить вечеринку. Я спустился с верхнего яруса нашей с братом кровати, постель брата была пуста. На комод стояла моя любимая игрушка – пластиковый армейский вертолет, который папа купил мне на пятилетие. Приподнявшись на цыпочки, я толкнул его серые пропеллеры. Я решил забрать вертолет с комода и вдруг услышал чьи-то всхлипывания. Повернувшись на этот звук, я увидел в дверной щели проходившего по коридору полицейского.

Выскользнув из комнаты, я последовал за ним, босиком,

в своей серой пижаме, по направлению к спальне родителей. В коридоре я прошел мимо двоих полицейских, которые разговаривали друг с другом и, похоже, не заметили меня. В спальне родителей горел свет. Там была целая толпа полицейских, четверо или пятеро из них сгрудились вокруг кровати. Заинтригованный и взволнованный, я протиснулся между ног стоящих и посмотрел туда, куда были устремлены их взгляды. Под простынями кто-то был. Но, кто бы он ни был, он не шевелился. Я пододвинулся поближе, чтобы рассмотреть все получше.

– Нет! Нет! Нет! – закричал один из полицейских, наклонился, сжал костлявыми пальцами мое плечо и повел меня обратно по коридору в другую спальню. Там уже находились мои братья – Питер, Майкл и Дэниел. Они смотрели телевизор, который кто-то перенес сюда с нижнего этажа. Я сел в углу, не сказав ни слова.

Затем я помню, как примерно две недели спустя проснулся от того, что меня звала мама: «Энтони! Энтони! Давай, Энтони, просыпайся! Просыпайся, мой любимый!» В спальне горел свет, а надо мной стояли два человека: моя мама и какой-то мужчина, которого я никогда раньше не видел. Он был невероятно высокого роста, с большим носом и длинными темными волосами, спускавшимися ниже плеч. Я не знал, сколько ему лет, но видел, что он был намного моложе мамы.

– Энтони, – сказала она, – познакомься со своим новым

nanoй!

Урок 1

Сам скажи им, кто ты

Мне казалось, что мы едем уже несколько дней. Я смотрел в окно, наблюдая за тем, как автомагистраль переходит в обычное шоссе, а затем становится проселочной дорогой, вдоль которой стоят домишки с живой изгородью. С каждой милей нашего путешествия я приближался к той жизни, которую выбрал, все больше отдаляясь от родного дома и всего того, что я любил, ненавидел и чего боялся. Над нами висели облака, похожие на грязные засаленные тряпки, а ноябрьский ветер свистел над крышей нашего «Форда Сиера», мчавшегося по просторам графства Суррей. Ни я, ни мама, ни мой отчим почти не разговаривали, непогода заполняла тишину. Пока колеса нашей машины шуршали по асфальту, в моей голове проносились тревожные мысли. Правильное ли решение я принял? Найду ли я себя в новой жизни, приживусь ли на новом месте? Или я просто променял одну дыру, полную неожиданностей, на другую? Кем я стану, когда это путешествие закончится? Если бы я тогда знал ответы на все эти вопросы, я бы тут же открыл дверцу машины и немедленно выпрыгнул бы из нее.

По правде говоря, в 1997 году я еще не очень хорошо представлял себе, что я за человек. Да и кто может осознать

себя в семнадцать лет? В семнадцать лет нам нравится думать, что мы уже сформировавшиеся люди, однако истина состоит в том, что мы, по существу, только начинаем жить. В детстве нашу личность формировали учителя, родители, братья, сестры, ничтожные знаменитости, ораторствовавшие в телевизоре. Мы представляли собой мягкий кусок теста, которому постоянно придавали то одну, то другую форму. Вот почему крайне важно, чтобы в молодости нас окружали те люди, чье влияние на нас будет положительным и кто заинтересован в том, чтобы развивать наши сильные стороны, а не топить нас в наших слабостях. Теперь я это знаю совершенно точно. Остается лишь сожалеть о том, что тогда мне это было неведомо.

В конце нашей поездки на обочине узкой дороги показался щит с каким-то грозным предупреждением, текст был написан красной краской. Снаружи шел дождь, стекла автомобиля запотели, и я вначале не смог разобрать надпись. Мне пришлось протереть стекло рукавом свитера, после чего я прочел: «Дорога Британской армии: все гражданские транспортные средства могут быть остановлены». Я откинулся на спинку сиденья и глубоко вздохнул. Машина замедлила ход. Впереди был еще один щит, на сей раз не такой пугающий, на котором значилось: «Лагерь Пирбрайт»³. За ним перед вы-

³ Лагерь «Пирбрайт» является базой Британской армии, на территории которой располагается учебный центр сухопутных войск «Пирбрайт» и ряд других армейских структур. Он известен тем, что в апреле 2021 года, после смерти принца Филиппа Маунтбеттена, герцога Эдинбургского, был использован для подготов-

сокими черными воротами находился пост охраны. В некотором отдалении на очередном щите можно было прочесть: «Сборный пункт новобранцев». Это было то, что я так долго искал.

– Мы приехали, мама! – сказал я, пытаюсь скрыть волнение в голосе. – Мы уже на месте.

Мама, которая была за рулем, припарковалась на стоянке. Я вышел, достал с ее помощью из багажника свою тяжелую черную сумку и быстро поцеловал в щеку. Если ей и было грустно видеть, как я покидаю ее, то она хорошо скрывала это. Мой отчим опустил стекло и, показав большой палец, поднятый вверх, сказал мне:

– Удачи, приятель! Еще увидимся!

Затем он отвел взгляд. Прежде чем я успел что-либо сообщить, мама вернулась в машину, захлопнула дверцу и повернула ключ в замке зажигания. Двигатель завелся, и мне оставалось лишь наблюдать за тем, как машина растворяется в серо-зеленой дали. Я воспользовался этой паузой, чтобы успокоиться. Вот и случилось. Вот оно! С этого момента все должно было быть по-другому.

Я глубоко вздохнул, взял свою сумку, перекинул ее через плечо и повернулся к величественному комплексу зданий из красного кирпича. Он был похож на тюрьму или же на большую больницу. По верху стены шло несколько рядов колю-

ки подразделений, представлявших все виды и рода Вооруженных сил Великобритании, к его похоронам.

чей проволоки, на высоких столбах в разных направлениях смотрели камеры слежения. Никого не было ни видно, ни слышно. Я чувствовал себя совершенно одиноким. Это было довольно жутко.

Я, волнуясь, подошел к посту охраны, готовый к тому, что за стеклом никого нет. Однако когда мне оставалась всего пара шагов, окно с громким треском распахнулось и оттуда выглянул тощий парень в военной форме, лет двадцати пяти, в круглых очках а-ля Джон Леннон. Я одарил его своей лучшей улыбкой, очаровательной и обезоруживающей, и заявил:

– Прибыл для прохождения начальной военной подготовки, сэр!

Солдат посмотрел на меня так, словно птица нагадила ему на очки, и спросил:

– Имя?

– Миддлтон, сэр! – бодро ответил я. – Корпус королевских инженеров!

Охранник взял планшет, лежавший на его столе, и стал лениво просматривать список, повторяя вслух:

– Миддлтон... Миддлтон... Миддлтон...

Я перекинул сумку на другое плечо и попытался разогнать кровь в онемевшей руке. Охранник тем временем перевернул лист и продолжил водить по нему пальцем в поисках моей фамилии. Затем, очень медленно, он протянул руку и взял второй планшет с другим списком, отложив в сторону

первый. Холодный ветер хлестал меня по спине, пытаюсь забраться мне за шиворот. Наконец палец охранника замер на какой-то строчке.

– А-а! – выдохнул солдат. – Энтони, верно? Энтони Миддлтон?

– Да, сэр! Именно так!

Он тепло улыбнулся мне:

– Я нашел тебя!

Я почувствовал облегчение. Возможно, все еще будет хорошо.

– Ты должен прибыть только через неделю, – отрезал охранник и с уже знакомым мне треском захлопнул окно.

Я был настолько ошеломлен, что мог лишь стоять как истукан, уставившись на свое отражение в стекле. Я видел безукоризненно одетого, наивного, худощавого подростка с голубыми глазами и густыми сросшимися бровями, молодого парня, который понятия не имел, что ему делать. Понутившись, я пошел назад по проселочной дороге, однако вскоре мне пришлось остановиться, чтобы поставить тяжелую сумку на землю.

Что мне теперь делать? Как, черт возьми, я ошибся с датой? Я не мог в это поверить. Мои родители уже наверняка были за много миль отсюда. Я оглядел грязно-серый пейзаж в смутной надежде обнаружить телефонную будку, чтобы позвонить кому-нибудь. Вокруг – деревья с облетевшей листвой, вдали – лошади, пасущиеся на склонах, в небе –

стая безымянных птиц. Телефонной будки не было. Да и кому бы я позвонил? Где мне ночевать? У меня не было ни спального мешка, ни денег на самый дешевый ночлег. В моей голове роились совершенно безумные мысли. Может, мне удастся найти сухое местечко в стороне от дороги у стены казармы? Но как мне продержаться целую неделю на сырой земле без еды? Как меня потом возьмут на обучение в Британскую армию, оголодавшего, промокшего и, возможно, больного?

Как мне продержаться целую неделю на сырой земле без еды? Как меня потом возьмут на обучение в Британскую армию, оголодавшего, промокшего и, возможно, больного?

Внезапно у меня возникло почти непреодолимое желание побыстрее убраться как можно дальше от видневшихся вдали армейских строений. Вместо этого я, опустив голову и стиснув зубы, зашагал обратно к громадным черным воротам. Мне подумалось, что уж если приходится искать сухое место, чтобы разбить лагерь, то лучше всего для этого подойдет часть армейской инфраструктуры. А уж как только я где-нибудь устроюсь, я разработаю какой-нибудь план. Я старался мыслить предельно позитивно. Неподалеку должен быть город. Я мог бы найти там телефонную будку и связаться с мамой. Честно говоря, я не был уверен, что она приедет за мной, зато я точно знал, что в городах обитают бездомные, а у бездомных есть приюты, и, возможно, я мог бы...

– Эй! – раздался окрик. – Куда это ты идешь, приятель?

Я остановился и обернулся. На своем пути я миновал небольшую кирпичную будку охраны. Мне она показалась пустой, но теперь мужчина в армейском камуфляже выглядывал из-за двери, крича в мою сторону:

– Тебе туда нельзя, приятель!

Я остановился и обернулся.

– Это – военная зона, – объяснил мне охранник. – Что ты здесь вообще делаешь? Кто ты такой?

– Боюсь, я перепутал дату своего прибытия, сэр, – сообщил я ему, смущенно пожимая плечами. – Оказалось, что я должен прибыть сюда на следующей неделе, так что...

И я иронически улыбнулся, как будто все это меня совершенно не беспокоило.

– Новобранец? – спросил он.

– Да, сэр.

Он печально покачал головой и указал подбородком в сторону уже знакомого мне поста охраны:

– Ступай туда и постучи в окно. Он просто решил поиздеваться над тобой.

Спустя полчаса я уже стоял в общей очереди с другими новобранцами в большой, безукоризненно чистой комнате. Мы приехали сюда со всех уголков Британских островов и представляли собой пестрое множество прыщавых мальчишек. Кто-то был аккуратно пострижен, кто-то – с засаленными длинными патлами. Никто из нас не чувствовал се-

бя здесь комфортно, тем не менее мы пытались хорохориться. Взад и вперед вдоль наших рядов ходил капрал, молча и безразлично разглядывая нас. Звук его каблуков рикошетил эхом от сверкающих стен и полированных полов. Казалось, он незримо возвышался над всеми нами. Его спина была безупречно прямой, широкие плечи распирали форменную рубашку цвета хаки. Я попытался отвлечься от его фигуры, перемещавшейся по комнате, и перестать следить за ним глазами, но это оказалось невозможно. По мере того как он все ближе подходил ко мне, я выкатил глаза, приподнял подбородок и выпятил свою тощую грудь настолько, насколько смог.

Капрал остановился прямо передо мной. Мои глаза расширились, мое сердце замерло.

– Имя? – спросил он.

– Миддлтон, сэр!

Он наклонился ко мне так близко, что его лицо оказалось всего в дюйме от моего, и прорычал:

– Миддлтон! В Британской армии мы предпочитаем, чтобы у наших людей было две брови!

– Да, капрал!

Он двинулся дальше. Мои глаза больше не следили за ним. Мои щеки горели. Я был напуган и смущен. В голове у меня крутился только один вопрос: как я, черт подери, умудрился вляпаться в это?

После краткого инструктажа капрала нас отправили в жи-

лой блок, чтобы мы там обустроились. Нас провели в большую комнату с натертым до блеска паркетным полом, в которой тянулись бесконечные ряды одинаковых кроватей с колючими одеялами и железными шкафчиками, дверцы которых были нараспашку открыты. Порядок был просто безупречным. Безукоризненным. Я впервые почувствовал себя почти как дома: именно такого порядка требовал от нас мой отчим. Я подыскал себе кровать, нижнюю койку в дальнем углу блока, и воспользовался паузой, чтобы осмотреться. В помещении находилось где-то около тридцати парней. Некоторые из них были, как я, еще подростками, другим было чуть за двадцать. Я догадался, что капрал выделил меня не случайно, это не было простым совпадением. Дело было в том, что я не был похож на остальных. Я был не таким, как они, и капрал обратил на это внимание.

Большинство молодых людей являлись крутыми парнями из рабочего класса, которые выросли в британской культуре выпивки, жестоких драк, подтрунивания друг над другом. В моем детстве ничего подобного не было.

Суть состояла в том, что большинство молодых людей, прибывших в тот день для прохождения начальной военной подготовки, являлись крутыми парнями из рабочего класса, которые выросли в британской культуре выпивки, жестоких драк, подтрунивания друг над другом.

В моем детстве ничего подобного не было. После того как

мой отец совершенно неожиданно умер 31 декабря 1985 года, у моей матери и отчима внезапно появились большие деньги. Вначале возникла некоторая путаница в отношении истинной причины смерти моего отца, но в конце концов было решено, что он скончался от сердечного приступа. Этот официальный вердикт означал выплату крупной суммы по полису страхования его жизни. Моя мама и ее новый бойфренд Дин, которые находились вместе практически с самого момента смерти моего отца, внезапно оказались буквально завалены деньгами. Наша семья переехала из муниципального дома с тремя спальнями в Портсмуте в особняк на восемь спален в пригороде Саутгемптона.

Внезапно все стало по-другому. Меня и моих братьев наряжали в дизайнерскую одежду, возили на дорогих автомобилях и обучали в лучших местных школах. Моя мама стала сверх всякой меры баловать нас. Однажды на Рождество нам потребовалось целых три дня, чтобы распаковать все свои подарки. Когда мне исполнилось девять лет, вся семья, сложив вещи, переехала на север Франции. Там, на окраине Сен-Ло, в двадцати милях от города Байе, у нас был большой, плохо ухоженный участок земли с громадным особняком, в котором когда-то размещался детский дом. Я учился в приличной католической школе и всегда был аккуратно одет, чрезвычайно вежлив и почтителен со всеми. Даже чересчур. Всем нравилось, когда я приходил к ним в гости, потому что они были уверены в моем поведении. На меня

оказала сильное влияние более мягкая и утонченная французская культура.

Вернувшись в Великобританию, чтобы повидать своих бабушек и дедушек по материнской линии, я впервые ощутил разницу между двумя нациями. Как-то я шел по улице, и навстречу мне с важным видом двигался парень примерно моего возраста, который начал пялиться на меня. Когда ты проходишь мимо кого-то, кто обратил на тебя внимание, во Франции ты приподнимаешь шляпу и вежливо произносишь: «Бонжур! Как дела?» Поэтому я и задал ему аналогичный вопрос: «Все в порядке?» Он же уставился на меня так, словно хотел прикончить на месте. Я просто не понимал, как этот молодой парень мог пялиться на незнакомого прохожего. Мне это показалось крайне странным, и я подумал про себя: «Какой чудик!»

Иными словами, я резко выделялся среди тех, кто оказался в тот день в жилом блоке. Я вырос там, где 14-летние мальчишки посещают бары, чтобы выпить чашечку кофе, а не для того, чтобы выдуть несколько кувишинов «Рэд Булл», измочалить друг друга до бесчувствия, а после наблелевать на пол.

Я открыл свою сумку и разложил в прикроватном шкафчике все свои вещички, складывая их в аккуратные стопки. Затем я как можно быстрее достал пакет с гигиеническими принадлежностями и вместе с одноразовой бритвой «Бик»

прошел в туалет. Там я снял с лезвия оранжевый колпачок, подержал бритву под холодной водой, твердой рукой приложил ее к черному пушку, который соединял мои брови, и сделал движение вниз. Когда я наклонился, чтобы сполоснуть лезвие под краном, я услышал голос капрала, эхом доносящийся из соседнего спального помещения. «Надевайте свою е**ую спортивную форму! Вы! Все! – ревел он там. – Через шестьдесят секунд построение на плацу! Быть всем!»

Я взглянул в зеркало, чтобы рассмотреть дело своих рук. Зрелище было удивительным. Я выбрил слишком широкий прямоугольник волос. Хорошая новость – теперь у меня было две брови. Плохая новость – переносица выглядела так, словно по ней проехала миниатюрная газонокосилка. «Черт!» – пробормотал я и помчался обратно в спальное помещение, уворачиваясь от любопытных взглядов и ухмылок, чтобы как можно быстрее переодеться в спортивную форму, сложенную идеальной стопкой на краю наших узких кроватей.

На плацу мы выстроились в своих зеленых футболках и синих шортах в три ряда. Мне оставалось лишь молиться о том, чтобы капрал не заметил, что я сделал со своим лицом, и не стал вновь унижать меня. Он встал перед нами, расставив ноги и заложив руки за спину.

– У меня для вас плохие новости! – заявил он, оглядывая ряды наших лиц (мы при этом, сжав челюсти и раздувая ноздри, изо всех сил старались скрыть, что просто тря-

семся от холода). – Произошла небольшая ошибочка. Вас здесь оказалось слишком много, и у нас не хватает на всех вас мест. В частности, не хватает кроватей. Я слышу вопрос: «Что это означает?» И я отвечаю: «Это означает, что некоторым из вас придется подождать две недели, после чего присоединиться к следующей группе».

Он это серьезно? Это что, очередное издевательство? Понять это было сложно.

– Так каким же образом мы сможем сделать выбор? – продолжил капрал. – Как нам сделать это справедливо? Мы начнем сегодня утром с проверки вашего физического состояния, а именно – с пробежки в полторы мили. Вам предстоит пробежать эти полторы мили за десять минут или меньше, джентльмены. Вы будете соревноваться друг с другом. Это будет гонка на местности. А приз победителю и только победителю – это гарантированная кровать.

С этими словами нас повели с плаца через лабиринт мрачных кирпичных зданий, пока мы не оказались на аэродроме на краю военной базы. Нам показали, где старт, – и мы с самого начала стали бороться друг с другом за исходную позицию. У меня уже сложилось четкое представление о том, где я нахожусь в здешней иерархии. У меня было не так много шансов победить этих более взрослых, более крупных и сильных парней. Однако я определил сам для себя, что должен попасть по крайней мере в первую половину нашей группы.

Все еще толкаясь, пихаясь локтями и плечами, мы внимательно наблюдали за тем, как инструктор взял в одну руку секундомер, а в другую – свисток. В тот момент, когда я услышал резавший уши сигнал, я протолкнулся вперед и стартанул изо всех сил. Я чувствовал тепло тел вокруг себя, слышал звук топающих ног и шумного дыхания, чувствовал, как грязный дерн скользил и прогибался под моими ботинками. Я проталкивался вперед все дальше и дальше, отчаянно пытаюсь расчистить себе путь в общей массе тел, перемещаясь то в одну, то в другую сторону, чтобы выискать проходы между телами.

К тому времени, когда я был уже на полпути к финишу, я с ужасом осознал, что передо мной осталось только два человека. Вид пустого, чистого пространства перед нами подстегнул меня. Я чувствовал, как мной завладевает тот злой соревновательный порыв, чувство которого всегда старался привить мне отчим. Мне казалось, что я мог различить его фигуру там, на краю аэродромного поля, в большом кожаном плаще, с ротвейлером, кричавшего, что я недостаточно стараюсь, что мне нужно прибавить. Что ж, блин, я покажу ему! Я обогнал первого парня, оставив его далеко позади. Мои ноги все были покрыты пятнами холодной грязи, колени горели. Оставалось еще около двухсот метров. Последний поворот вокруг аэродрома, мои ноги, все в грязи, тяжелеют. Я бежал с последним соперником плечом к плечу. Мы оба мчались изо всех сил, как на меня вдруг обрушилась та вол-

на унижения, которое я испытал сегодня. Я представил себе, как мой конкурент смеется надо мной. Мне в голову пришла мысль, которая страшно разозлила меня: эти ублюдки думают, что я – полное ничтожество. Они думают, что я – какой-то тощий, однобровый, милый пацанчик из средней школы. Я понял, что несусь вперед все быстрее и быстрее. К тому времени, как я достиг финиша, я обошел своего соперника на целых двенадцать секунд. Я просто не мог в это поверить. Я победил!

Каждый следующий день военной подготовки был для меня крайне болезненным.

Именно после этой бешеной гонки я окунулся в жестокий, путаный, но захватывающий новый мир. Каждый следующий день военной подготовки был для меня крайне болезненным. У нас в расписании были отжимания, приседания, подтягивания, полоса препятствий, бег по пересеченной местности с тяжестями за спиной. У нас не оставалось ни одной свободной минуты, а если какие-то промежутки свободного времени и появлялись, то приходилось использовать их на глажку белья или на наведение безупречного порядка в прикроватных шкафчиках. Во время первого осмотра наших шкафчиков я ждал, вытянувшись в струнку, у своего, когда капрал остановился перед парнем рядом со мной, девятнадцатилетним Иваном.

– Ты выглядишь как мешок с дерьмом! – прорычал капрал. – Посмотри, б*я, на свои ботинки!

Когда Иван посмотрел вниз, чтобы понять, о чем идет речь, капрал ударил его кулаком в грудь. Иван перелетел через свой шкафчик и врезался в фанерную стенку, к которой был прикреплен шкаф и которая в результате сломалась пополам. Иван лежал, задыхаясь, как рыба, в куче обломков, пыли и щебня. В тот момент я понял: я больше не в Сен-Ло. Мне предстояло пройти непростой путь.

К этому времени я ударил человека только один раз в жизни, и то только потому, что ситуация была мне навязана. Это произошло, когда я жил с мамой и отчимом в Саутгемптоне, незадолго до того, как моя семья уехала во Францию. У меня там возникли проблемы с одним хулиганом, парнем на пару лет старше меня, который решил сделать мою жизнь невыносимой. Он ставил мне подножки, толкал меня на стены домов и вообще вел себя весьма агрессивно. Я старался, как мог, избегать его, но вся эта ситуация так или иначе начинала меня угнетать, я даже стал бояться ходить в школу. Когда мой отчим заметил, что что-то не так, и поинтересовался, в чем дело, я совершил ошибку, рассказав ему подробности.

- Ну и что ты собираешься делать? – спросил он.
- Да ничего, – пожал я плечами.
- А учителя-то знают? Ты им рассказал про это?
- Конечно же нет.
- Энтони, – сказал он, – послушай меня! Я не желаю больше видеть тебя дома, пока ты не врежешь этому парню. Если ты этого не сделаешь, то можешь завтра не приходить домой.

Я не мог поверить своим ушам. Я даже не знал, как драться, как наносить удары.

— Я не могу этого сделать! — ответил я, пятясь из гостиной, чтобы сбежать наверх в свою комнату. — Да и вообще, все это неважно. Все это не имеет никакого значения.

— Энтони, я, блин, не собираюсь повторять свои слова! — вспылil отчим, преграждая мне путь. — Пока ты не вздуешь его, даже не мечтай снова входить в эту дверь!

Я наткнулся на своего хулигана, когда тот стоял в очереди за школьным обедом. Я увидел его раньше, чем он меня. Он держал поднос с миской чипсов, на которых дымились горячие бобы, и пакетом смородиновой газировки «Рибена». Рядом с ним толпились его приятели, я был один. Я не мог рассчитывать на чью-то помощь и тем не менее решил: сейчас или никогда. Я подошел к нему.

— Хочу решить один вопрос, — сказал я. — Ты ведь не против? Ты не будешь возражать? Пожмем друг другу руки в знак согласия?

Парень просто стоял и тупо, словно баран, пялился на меня. Он, вероятно, пытался понять, как он мог пожать мне руку, держа поднос. Что бы там ни творилось у него в голове, я решил, что нужный момент настал, — и ударил его прямо в переносицу. Он завалился на спину, чипсы и бобы разлетелись во все стороны, столовые приборы и поднос с грохотом упали на пол. Я не стал дожидаться, что будет дальше, и ушел.

Позже в тот же день моему отчиму позвонил директор школы.

– У меня печальные новости, – сообщил он. – Мне пришлось принять трудное решение и на неделю отстранить Энтони от занятий.

– Отстранить? – переспросил отчим.

– Очень жаль, что приходится сообщать вам это. Энтони сегодня напал на другого ученика. Мы не можем допустить, чтобы в школе происходили такие вещи, поэтому вынуждены реагировать на них и предпринимать соответствующие шаги.

– Отлично! – ответил отчим. – Я рад это слышать.

– Вы должны понимать: мы принимаем во внимание, что это совершенно не в характере Энтони, тем не менее мы вынуждены...

– Нет, нет! – перебил отчим директора. – Я не имел в виду, что рад отстранению Энтони от занятий. Я хотел сказать, что рад тому, что он ударил этого придурка. Это я велел ему так сделать. На какой срок, вы сказали, он отстранен?

– На одну неделю.

– Вы увидите его в школе через две.

Я понял, что именно это – неизвестность – лежит в основе большинства тех страхов, которые мы испытываем в своей жизни.

Не могу отрицать, что мне доставило определенное удовольствие видеть, как мой мучитель оказался под обжигаю-

щим оранжевым ливнем томатного кетчупа Heinz высшего качества, хотя, честно говоря, я не особенно гордился собой, когда нанес этот удар. Возможно, это и положило конец моим проблемам с этим конкретным хулиганом, но мне просто не хотелось так поступать. В любом случае, мне удалось извлечь из всей этой истории один важный урок: с тех пор я знал, что способен ответить на насилие. Когда дело дошло до драки, я понял, что могу постоять за себя. Но это было не единственное, чему я научился. В течение двухнедельных каникул, которые я неожиданно получил, я постоянно прокручивал в своей голове произошедшее. Совершенно очевидно, что мне было страшно до того момента, как я нанес удар. Однако что именно было источником этого страха? Что так долго удерживало меня от решения возникшей проблемы?

И я понял, что это был страх перед неизвестным. Я боялся ударить хулигана, потому что не знал, что будет дальше. Он мог швырнуть поднос с горячей едой мне прямо в лицо. Его приятели могли навалиться на меня и избить до полусмерти. Он мог пошатнуться от моего удара, спокойно отставить свой поднос в сторону, а затем так же спокойно сломать мне челюсть. Могло случиться все что угодно. Я понял, что именно это – неизвестность – лежит в основе большинства тех страхов, которые мы испытываем в своей жизни. Никому не нравится находиться в неведении относительно своего будущего. Мы приходим в ярость, когда не знаем, что находит-

ся за дверь. И мы приходим в восторг, имея возможность заглянуть в будущее, чтобы действовать обдуманно и осторожно, идти по жизни уверенно и предсказуемо.

На протяжении всей своей армейской службы я старался справляться с теми мучительными сомнениями, которые неизбежно одолевали меня. Служба в армии учит тебя делать это. Такие уроки долги и весьма нелегки, потому что они полностью противоречат самой человеческой природе. Только годы спустя, оказавшись в зоне боевых действий в качестве морского пехотинца, я по-настоящему научился справляться со страхом оказаться в непредсказуемой ситуации. К этому времени я уже знал, что смогу действовать должным образом, как только доберусь до своей цели. Я мог проникнуть на вражескую территорию, хладнокровно вести себя под интенсивным обстрелом, а если это требовалось, то нажать на курок и покончить с жизнью. Я был уже способен на все это. И зерна этой способности были посеяны еще тогда, когда я был юным мальчишкой, в тот момент, когда я стоял в очереди за школьным обедом и размышлял, как же мне поступить со своим обидчиком.

Когда я стал новобранцем в «Пирбрайте», до этих уроков было еще очень далеко. Через три недели после того, как я стал свидетелем сцены с капралом, который проломил фанерную стенку, ударив молодого парня, я обнаружил, что стою на плацу в строю рядом с этим парнем. Мы ожидали капрала для инспекции. Рядом с нами стоял новобранец Нил,

который выглядел растерянным и несколько выбивался из общей массы. Он присоединился к нам после вынужденного пропуска занятий из-за перелома лодыжки, который он получил спустя пять недель после прибытия в учебный центр. Теперь он поправился, и его снова зачислили на курс. Нил был крупным, хитроватым парнем, слегка полноватым, видимо, в результате того, что мало двигался последнее время.

Проблема заключалась в том, что Нил сбил весь наш строй. Мы должны были построиться по три человека в ряд, и Нил ухитрился сместиться вбок в нашем ряду таким образом, что выпячивался из него. Я прекрасно понимал, что ему надо было встать так, чтобы спереди, со стороны проверяющего, все выглядело нормально. До прибытия капра-ла оставались считанные секунды, а Нил нарушал весь строй. Он должен был перестроиться, иначе мы все оказались бы в полном дерьме. Я одарил его самой дружелюбной улыбкой, на которую только был способен, и сказал ему:

– Приятель, почему бы тебе не передвинуться вот на это место? Проверяющий может появиться в любой момент.

– Кто ты такой, черт возьми? – возмутился он, грозно обернувшись ко мне и сделав в моем направлении как раз тот самый нужный шаг.

Видя, что сейчас может произойти, вмешался Иван:

– Приятель, остынь, он всего лишь пытается тебе помочь.

– А в чем твоя е**ая проблема? – продолжал негодовать Нил.

– Это у тебя, на х**, проблема.

– Ты хочешь, чтобы мы разобрались с этим?

– Заметано!

– Тогда сегодня после занятий увидимся за зданием «2Д», за пищеблоком.

Я не мог ничего понять! Почему Нил вел себя как полный придурок? Неужели он считал, что, попав в новую учебную роту, он должен таким вот образом добиваться уважения к себе? Может быть, когда я сказал ему, где надо стоять, он почувствовал себя оскорбленным, так как он больше времени провел в учебном центре? Какой смысл был в том, чтобы так резко реагировать на мою просьбу, ведь я высказал ее вполне вежливо? Если бы я сказал то же самое во Франции, меня бы только поблагодарили. Однако в Великобритании подобные ситуации разрешались лишь с помощью агрессии или насилия.

«Да, здесь жестокие нравы, – подумал я про себя. – Здесь каждый сам за себя». Учтивые манеры, которые все находили такими очаровательными в моей французской школе для лиц обоего пола, ничего не значили в той жесткой мужской среде, в которой я оказался. Если там при помощи манер можно было завоевать друзей и союзников, то здесь, стоило мне только проявить элементарную учтивость, меня моментально одергивали: «Кем, черт возьми, этот придурок себя возомнил?» Я также осознавал, что окружающим не нравится моя внешность, обходительность и жизнерадостность.

Нил, как я понимаю, увидел, что перед ним парень не самого крупного телосложения, поэтому и решил высокомерно оскорбиться на мою просьбу. «Ты просто мелкий кретин! – захотел продемонстрировать он. – И я не собираюсь подчиняться твоим приказам!»

В такой ситуации я мог сделать только одно. Все считали меня слабаком, поэтому мне надо было доказать, что они ошибаются. Я знал, что в тот вечер между Нилом и Иваном будет стычка и что, учитывая разницу в их размерах, моему новому приятелю придется несладко. Я молча решил поддержать Ивана в предстоящей драке. Я был полон решимости защитить его так же, как он защитил меня.

В тот день время тянулось крайне медленно. Заметив, что Иван наконец выскользнул из жилого блока, я двинулся за ним по темной дороге.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался он, заметив меня.

– Ты заступился за меня, – объяснил я. – Теперь это и мое дело.

– Это не имеет к тебе никакого отношения! – отрезал Иван.

– Я должен дать отпор этому парню, – продолжал настаивать я. – Я не могу спасовать перед ним, поэтому хочу помочь тебе. Иначе за кого меня будут принимать?

Мне самому понравилось, как это прозвучало: жестко, коротко и по существу. Однако Иван лишь рассмеялся мне в

лицо:

– Это не для тебя, Энт, согласен? Я вовсе не собираюсь посмеяться над тобой, но тебе лучше вернуться и допить свой чай, пока он не остыл.

Я был просто в ярости. Все мои опасения по поводу того, что обо мне могут подумать другие, подтвердились после пренебрежительного замечания Ивана. Может быть, мне следовало подраться с Иваном, а не с Нилом?

– Откуда ты, б**, знаешь, что это не для меня?

– Потому что ты выше всего этого.

А вот это уже был удар под дых. Я получил оплеуху сильнее, чем любой удар, который мог бы получить за кухонным блоком. Все дело заключалось в том, что он был совершенно прав. Чего я хотел добиться? Доказать, что я был одним из них, превратившись в того, кем я на самом деле не являлся? Если они считали, что я слабак, то это была их проблема. Я понял, что, пытаясь доказать им свою правоту, я стал играть по их правилам, позволил им контролировать себя. Но что мне теперь было делать? Я не мог оставить Ивана на растерзание этому громиле. Я задал сам себе вопрос: «Кто же я такой? Что я из себя представляю?» Я надеялся, что был новобранцем немного умнее среднестатистического. Я не собирался позволить эгоизму и вспыльчивости разрушить мою карьеру. И я понял: единственный способ справиться с этим, оставаясь верным себе, – это попытаться предотвратить назревавшую драку.

– Зачем тебе вообще нужно драться с этим парнем? – поинтересовался я.

– Ты ничего не понимаешь, Энт, – ответил Иван. – Это трудно понять таким, как ты. Мы имеем дело с альфа-самцом, который хочет быть вожаком в стае. И сейчас мы с ним выясняем, у кого член больше. Это принципиальный вопрос.

– Мы всего несколько недель назад пришли в армию, – сказал я. – Если о драке поползут слухи или же ты появишься на плацу с подбитым глазом или сломанным носом, начальство все узнает.

Иван ничего не ответил мне на это.

– Ты рискуешь всей своей будущей военной карьерой, чтобы что-то доказать этому идиоту, – продолжил я. – Это неразумно. Тебя действительно настолько волнует его мнение о тебе, что ты готов все поставить на карту?

Иван по-прежнему не произносил ни слова.

– Ты готов сломать свою будущую военную карьеру, пожертвовать всем, к чему ты стремишься, – и все это ради того, чтобы удовлетворить амбиции Нила Порлока? Да он уже будет считать себя победителем, стоит тебе просто появиться на месте драки!

Последний довод, похоже, оказался самым веским. Иван остановился, обернулся – и вместо драки мы пошли и выпили по чашке чая с печеньем.

Я всякий раз вспоминаю этот инцидент с некоторой гор-

достью. Даже в таком юном возрасте и в такой суровой обстановке я смог сохранить контроль над собой и обеспечить целостность своей личности. Я уже тогда почувствовал, что культура альфа-самцов хулиганов способна навредить этой целостности, превратив меня в другого человека. К сожалению, я не могу с полной уверенностью сказать, что мне удалось сохранить эту силу характера. Читатель вскоре обнаружит: в конце концов я позволил худшему в армии взять над мной верх. Я стал разительно отличаться от того вежливого и мягкого паренька, которым был на курсах начальной военной подготовки.

Это противостояние никогда не кончается. Люди всегда хотят вогнать меня в какие-то рамки, установить мне границы. Поскольку в наши дни я больше всего известен благодаря шоу Четвертого канала «САС: Дерзай и победишь», совершенно незнакомые мне люди, насмотревшись на меня по телевизору, постоянно пытаются определить, кем и каким мне следует быть. Они предполагают, что я – отъявленный мерзавец, который все вопросы решает исключительно через насилие. Когда они встречают меня, то ожидают увидеть какого-то брутального персонажа, склонного критиковать всех вокруг. Они подходят ко мне прямо на улице и удивляются моему небольшому росту. Они-то ведь воображали, что во мне шесть футов восемь дюймов, а на самом деле, оказывается, я могу похвалиться всего лишь пятью футами восьмью

дюдями⁴. И я постоянно слышу: «А по телевизору ты выглядишь гораздо крупнее!» Некоторые способны и на такие высказывания: «Не понимаю, с чего это все так опасаются тебя? Полагаю, что я вполне мог бы помериться с тобой силами!»

Они, конечно же, просто шутят, но, как известно, в каждой шутке... Иначе зачем бы им говорить это? Меня от всего этого всегда разбирает смех. Мне нет необходимости никому ничего доказывать. Я ни с кем не соревнуюсь и не пытаюсь ни у кого отнять лавры славы, особенно сейчас, когда я принимаю участие в телевизионных шоу. Ведь я же, к примеру, не посягаю на славу Беара Гриллса⁵, я не чувствую никакой необходимости соревноваться с ним. Поэтому я всегда подшучиваю над теми, кто докучает мне своими недоуменными вопросами: «Да, приятель, ты бы наверняка мог помериться со мной силами. Не верь всей этой телевизионной дребедени. У них на камерах есть специальные линзы, которые делают меня крупнее». Я рад так отшучиваться. Я не считаю, что моей репутации что-то угрожает. Ведь я-то знаю, кто я такой на самом деле.

Однако то, что я коммуникабелен и дружелюбен, вовсе не означает, что я слабак и тряпка. Когда я работаю, то пол-

⁴ Примерно 203 см и 173 см соответственно.

⁵ Эдвард Майкл «Бear» Гриллс – путешественник, телеведущий и писатель, бывший солдат британского спецназа САС. Известен благодаря приключенческой телепередаче «Выжить любой ценой», которая производится в Великобритании и транслируется по всему миру.

ностью выкладываюсь. Я считаю, что не следует смешивать бизнес с удовольствием. Когда требуется что-то сделать, я всегда стараюсь выполнить поставленную задачу на пределе своих возможностей, причем именно так, как мне это представляется верным. Возможно, я покажусь высокомерным, но я уверен, что в своей области я – лучший. Да, я согласен с тем, что крайне важно прислушиваться к мнению других и нельзя окружать себя подхалимами, стремящимися угодить тебе, однако в конечном итоге я – главный в команде. Я отвечаю за то, чтобы работа была выполнена должным образом, именно так, как мне это представляется, в полном соответствии с моими требованиями. И я ожидаю, что все остальные члены моей команды будут неукоснительно руководствоваться моими установками. Они знают, что, работая со мной, им нужно настроиться на особый режим, что я не позволю им валять дурака.

Однако после работы я – любящий отец и муж, а также, как мне хочется думать, приятный парень, с которым комфортно проводить время. Я отставляю в сторону образ жесткого руководителя и становлюсь совершенно другим человеком. Я считаю, что невозможно постоянно находиться в одном образе. Для меня это признак фальши. Тот, кто так поступает, наверняка пытается обмануть окружающих, заставить их поверить в то, что он является такой фантастической личностью, и сам стремится все время соответствовать этому образу. Я уверен: всегда следует оставаться самим собой,

нет ничего криминального в том, что в разных ситуациях ты проявляешь себя по-разному.

По моему твердому убеждению, тот, кто пытается изобразить из себя цельную, нерушимо монолитную личность, рано или поздно оказывается в тупике.

По моему твердому убеждению, тот, кто пытается изобразить из себя цельную, нерушимо монолитную личность, рано или поздно оказывается в тупике. Достигнув своего предела, он начинает размышлять: «Хорошо, я смог дорасти до этой высоты — а кем мне теперь следует стать, какие качества проявить, чтобы перейти на следующий этап?» Если ты остаешься самим собой, такая опасность тебя не подстерегает. Ты сможешь найти свое место в жизни. Ты будешь иметь возможность делать свою работу так, как считаешь нужным. Если же ты попытаешься быть кем-то другим, ты заплутаешь на жизненном пути, потому что тот образ, к которому ты будешь стремиться, окажется чужд тебе. Тебе придется признать, что это фантазия, химера. Тот человек, образ которого ты попытаешься принять, будет тебе незнаком. И когда ты столкнешься с новыми испытаниями, тебе придется срочно разрабатывать другой план действий, другую стратегию, стать другим человеком. Вряд ли это можно назвать надежной схемой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.